МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.Н. Зарубина
д.филос.н., профессор, профессор МГИМО МИД России (Москва)

ЧТО ЗНАЧИТ СЕГОДНЯ БЫТЬ РОССИЙСКИМ УЧЁНЫМ? (по материалам дискуссий и эмпирических исследований)

Аннотация. В статье рассматривается проблема идентификации российских учёных социально-гуманитарного профиля как профессиональной группы в условиях новейших геополитических вызовов, а также трансформаций науки как социального института и формы знания. Статья написана на основе результатов анализа фокус-групповых исследований российских учёных, проведённых в 2023 г., а также дискуссий о специфике российской науки и её месте в мировой науке 1990–2020-х гг. показано, что проблематика места российских учёных в мировом научном сообществе, а также соотношения универсальных теоретико-методологических оснований социогуманитарных исследований, заимствуемых на Западе, и специфических проблем, стоящих перед российскими учёными, обсуждается на протяжении последних трёх десятков лет. Для разных сегментов российского научного сообщества, маркируемых как «местники» и «космополиты» (А.В. Юревич и др.), «туземцы» и «провинциалы» (М.М. Соколов др.) и т.п., в равной степени характерны самореференция относительно мирового научного сообщества, ориентация на поиски встраивания в глобальную науку. При этом осмысление особенностей российского научного сообщества, как и российской социогуманитарной науки в целом, — скорее предмет исследований историков науки, а не повседневных рефлексий профессионалов. Свою миссию они видят в исследовании и решении проблем российского общества, понимая их как локальные проявления общих проблем, но не в исследовании специфики российского общества и создании адекватной для этого методологии. Новым вызовом для российских учёных представляются утверждаемые западным научным сообществом «эпистемическая справедливость» и «периферийный поворот», которые предполагают декларацию отказа от доминирования западной эпистемологии в современной науке, принятие картин мира и познавательных стратегий периферийных, маргинальных групп и культур глобального Юга. Но фактически это представляет собой размывание эпистемологических и институциональных принципов науки как специфической формы познания.

Ключевые слова: *социально-профессиональная группа, учёные, современные учёные, российские учёные, мировая наука, институты, наукометрия, эпистемология, «периферийный поворот».*
JEL: O39
УДК: 001.3, 316.6
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_4_123_139
© Н.Н. Зарубина, 2026
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Зарубина Н.Н.* Что значит сегодня быть российским учёным? (по материалам дискуссий и эмпирических исследований) // Вопросы теоретической экономики. 2026. №4. С. 123–139. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_4_123_139.

FOR CITATION: *Zarubina N.* What Does It Mean to Be a Russian Scientist Today? (Based on Discussions and Empirical Research) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 4. Pp. 123–139. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_4_123_139.

Постановка проблемы

В последние годы в связи с изменениями геополитической ситуации, вызвавшими переориентации коммуникационных, информационных, ресурсных, организационных отношений, возвышение значимости суверенитета и самодостаточности в различных сферах жизни России, актуализировались и обсуждения возможности развития «суверенной» российской науки. По-новому ставятся и вопросы, связанные с российскими учёными как социально-профессиональной группой, их самоидентификацией, восприятием своей деятельности, пониманием места российской науки в развёртывающихся процессах глобализации. Рефлексию состояния российской науки и её мирового статуса, положения учёных в обществе условно можно разделить на три периода.

В 1990-х и 2000-х гг. стоял вопрос о сохранении человеческого потенциала, противодействии «утечке мозгов», преодолении институциональных, коммуникативных, организационных, содержательных разрывов с мировой наукой, возникших в советское время (см, например: [*Мирская*, 1995; *Плюсин*, 1999; *Радаев*, 2000; *Судас*, *Юрасова*, 2006]). В этот период акцентировались темы недостатка финансирования, дезорганизации, утраты ценностных ориентиров в российской науке и коммерциализации исследовательской деятельности, доминирования американской составляющей в мировой науке. Активно обсуждались вопросы положения учёных в обществе, престижа научной работы, рекрутирования научных кадров. Тогда же в связи с отказом от доминирования марксистской социальной теории и возникновением «методологической аномии» в социальных и гуманитарных науках анализировали возможности создания «российских» теорий, их риски, состоящие в отказе от универсальной теоретической базы, научного языка, подмене общезначимого теоретического результата «локальной учебно-методической продукцией» (см., например: [*Радаев*, 2000]).

В 2010-х гг. ставились вопросы о последствиях организационных трансформаций российской науки, об интеграции учёных в международные научные сообщества, успешность которой определялась в тот период количеством публикаций в рейтинговых зарубежных журналах. После публикации в ноябре 2015 г. доклада ЮНЕСКО «На пути к 2030 году», где было отмечено, что вклад России в мировую науку в 2013 г. составлял всего 1,7%, что в 11 раз ниже китайского (19,6%) и в 15 раз — американского (28,1%), количество публикаций российских исследователей составляло 2,3% от мировых, зарегистрированных российских патентов — всего 0,2%, индекс цитируемости российских учёных составлял 0,51 при среднем показателе 1,02 в странах G20[1], предметом обсуждений стали способы повышения мировых показателей российских учёных. Уделялось внимание и качественным особенностям научной культуры, академического письма и подходов к представлению научных результатов в России, установкам и ожиданиям российских учёных в отношении глобализации науки и места в ней российских научных школ. В частности, предметом обсуждения стала специфика российских подходов в социальных науках [*Истомин, Байков*, 2015. С. 122–124]. В этот же период много говорилось о доминировании англосаксонской науки в производстве теоретического знания, в то время как исследователи других культурных традиций лишь заимствовали их в качестве методологической базы для конкретных исследований. Надо признать, что доминирующим в научном сообществе оставался дискурс западников-модернизаторов, в основе которого лежало представление о принципиальном единстве мировой науки, её эпистемологии, институциональных и этических принципов. Главной проблемой оставалось достойное место российской науки в этом общем, едином мире. Мало

[1] UNESCO science report, towards 2030: executive summary. UNESCO, 2015. URL: https://www.iis.nsk.su/files/news/material/235407r_s.pdf?ysclid=mrta69ahzs563835180 (access date: 20.07.2026).

кто тогда говорил о специфике российской науки, основным предметом которой является российское общество и его проблемы, обусловленные особенностями российской цивилизации.

В 2020-е гг., когда российские научные журналы исключаются из международных систем цитирования, прерываются устоявшиеся научные коммуникации и коллаборации, как никогда актуален вопрос выстраивания новых каналов научных коммуникаций и академических мобильностей в условиях санкционного давления и попыток изоляции российских учёных. В связи с этим снова стала актуальной проблема специфики российской науки [*Кравченко*, 2022; *Кравченко*, 2023a; *Кравченко*, 2023b], исследовательской деятельности и самого образа учёного, их места в мировой науке в условиях доминирования англосаксонских наукометрических, методологических и эпистемологических подходов.

Сразу стоит оговориться, что эта проблема в полном объёме стоит, в первую очередь, перед социальными и гуманитарными науками, в то время как для естественных и точных наук она актуальна лишь в организационных, институциональных и коммуникативных аспектах. Не углубляясь в старые дискурсы «наук о природе» и «наук о культуре», «генерализирующего» и «индивидуализирующего» знания (В. Дильтей, Г. Риккерт, М. Вебер и др.), в данном случае следует отметить, что точным и естественным наукам «о природе», при огромном количестве специфических предметных областей, присуще единство объектов и эпистемологий, обусловленное ориентацией на открытие общих законов их бытия. Для социально-гуманитарных наук такое единство является спорным, как и наличие «общих законов» в обществах и культурах. «Индивидуализирующий» характер социального и гуманитарного знания предполагает уникальность культур и цивилизаций (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби и др.), выходящую за рамки эволюционно-стадиальных различий. Предмет интереса российских (как и любых других) учёных в этой логике — не просто встраивание науки в некую общемировую систему знания, а исследование проблем нашего общества с использованием как оригинальных, так и заимствованных адекватных теоретических подходов и инструментов.

Ещё одна группа актуальных проблем самоидентификации учёных как профессиональной группы связана с современными трансформациями науки как социального института и формы знания, развитием «постакадемической науки» и запросом на «эпистемическую справедливость» и «периферийный поворот», затрагивающими, в первую очередь, социально-гуманитарное знание.

Что значит быть современным российским учёным? На этот вопрос представители научного сообщества отвечают по-разному, и их размышления позволяют выделить разные смыслы, вкладываемые в это понятие. Эмпирической основой статьи являются транскрипты фокус-групповых исследований, проведённых Центром сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) на основе технического задания, подготовленного коллективом кафедры социологии МГИМО МИД России при участии автора, в онлайн-формате в мае-июне 2023 г. В фокус-группах участвовали сотрудники НИИ и вузов из разных городов России, активно занимающиеся наукой, формировались смешанные по гендерному признаку группы с учётом места работы, возраста (до и после 40 лет) и профессиональных траекторий (мобильные и традиционные)[2]. Код фокус-группы и соответствующего транскрипта, а также её состав представлены в табл. 1.

[2] База данных «Социологическое исследование человеческого капитала российского научного сообщества» имеет государственную регистрацию № 2024622996 от 9 июля 2024 г.

Таблица 1
Коды фокус-групп

Кодовый номер фокус-группы и её транскрипта	Состав участников
Т1	Преподаватели вузов младше 39 лет с традиционной профессиональной траекторией, из разных городов России
Т2	Учёные НИИ старше 40 лет, из разных городов России
Т3	Преподаватели вузов младше 39 лет с мобильной профессиональной траекторией, из разных городов России
Т4	Учёные НИИ младше 39 лет, из разных городов России
Т5	Преподаватели вузов старше 40 лет с традиционной профессиональной траекторией, из разных городов России
Т6	Преподаватели вузов старше 40 лет с мобильной профессиональной траекторией, из разных городов России

Источник: составлено автором.

Под «традиционной карьерной траекторией» подразумевается работа лишь в одной организации за карьеру для молодых и в двух для старших, под «мобильной» — смена места работы более двух раз за карьеру. Обработка транскриптов фокус-групп осуществлялась методом критического дискурс-анализа. Ограничение исследования состоит в том, что на его эмпирической базе нельзя делать масштабные обобщения, однако можно наметить основные идеи и мнения, которые могут послужить основой для дальнейших исследований.

Особенности современного учёного и его деятельности

Вопреки кажущейся очевидности, это одна из самых сложных тем, именно с неё начинается обсуждение проблем трансформаций российской науки [*Аблажей*, 2018]. Исследователи выявляют усложнение и большое многообразие представлений о роли учёного, его мотивации, социальных и профессиональных ролях, карьере. Применительно к современности классический образ учёного как бескорыстного романтика, ищущего истину или, хотя бы, просто реализующего свой интерес к миру, претерпевает существенные трансформации.

Практически все участники фокус-групп в 2023 г. сходятся в высоких оценках статуса учёного: «*для меня учёный — это тот, кто переворачивает моё сознание… сделал то, что не сделал до этого никто ещё*», он «*самозабвенно занимается наукой*», «*хороший учёный — это романтик*» (Т6). И это «*что-то закрытое, замкнутое, уединённое*» (Т1). Называть себя учёным практически никто не решается, поскольку «*это слишком пафосно*» (Т5), «*учёные — это вот те, чьи портреты висят уже на стенах, а пока мы живы, пока мы работаем, мы исследователи*» (Т2). Поэтому предпочитают более конкретные идентификации по роду деятельности — «исследователь», «преподаватель», или по специальности (политолог, социолог и т.д.).

В то же время можно отметить противоречие между высокой ценностью профессии в глазах самих учёных и низкой оценкой статуса учёного в обществе. По данным количественного опроса учёных, проведённого в 2023 г., менее 20% назвали свою работу престижной, а высокопрестижной — лишь 2%. Причём именно высокостатусные специалисты меньше других верят в уважение к их профессии в обществе [*Носкова, Голоухова, Кузьмина,* 2025. С. 86]. Представляется, что такой ценностный диссонанс подрывает самооценку, что

и заставляет учёного идентифицировать себя с конкретной специальностью или родом деятельности: «*негативные коннотации тоже присутствуют. Сразу рифма просится у людей, которые с вами могут общаться. Это всё очень общие слова, а когда вы конкретизируете, кто вы, тогда вам и доверия больше*» (Т4).

Такая позиция респондентов-учёных расходится с данными всероссийского опроса, проведённого ВЦИОМ в том же 2023 г., когда проводились и фокус-группы, и процитированный выше опрос учёных. Тогда 51% респондентов назвали профессию учёного престижной, 44% — непрестижной [*ВЦИОМ*, 2023]. Престижность профессии определяется тем, что учёные обеспечивают технологический прогресс, работают на благо государства, и прежде всего потому, что эта профессия требует высокого интеллекта (14%). Но среди респондентов с высшим образованием, т.е. тех, кто реально соприкасался с вузами и наукой, больше всего тех, кто считает профессию учёного непрестижной (49%) [Там же].

Опрос ВЦИОМ не фиксировал различия в оценках учёных, специализирующихся в социально-гуманитарной и естественно-технической сферах, в то время как они существенны, и, возможно, многое объясняют в понимании этического содержания профессии. Другие опросы выявили приоритет социально значимых ценностей у представителей естественно-технических наук («вносить вклад в науку», «приносить пользу людям»), в то время как у гуманитариев преобладают личностно значимые ценности получения удовольствия от работы, что заставляет социологов делать вывод: «похоже, что представители социальных наук теряют ощущение своей профессиональной миссии» [*Носкова*, 2026, С. 137].

Институциональные факторы, такие как работа в вузе или НИИ, а также наличие учёной степени и звания не выступают значимыми для идентификации в качестве учёного. Участники фокус-групп признают их формальный характер и возможное отсутствие за ними реальных научных достижений: «*Остепенённой публики много, учёных — плохо, мало*» (Т6). Характерно, что никто не использовал в качестве маркера идентичности понятие «научный работник», распространённое в советский период и символически ставящее учёных в один ряд с другими трудящимися.

В то же время именно получение степеней и званий видится в качестве этапов профессионального становления и карьеры учёных: «*вершина карьеры учёного — это, во-первых, учёная степень, учёное знание, профессор выше, чем доцент, доктор наук выше, чем кандидат наук. Во-вторых, это признание. А признание — это не то, что у тебя много наград, а то, что тебя знают*» (Т1). Учёная степень и звание — не просто маркер статуса, а фактор установления необходимых социальных связей: «*учёный мир всегда смотрит и на формальные показатели — степени, звания, количество публикаций и т.д. И это нужно не для того, чтобы считать себя учёным, а для того, чтобы иметь возможность входа в некоторую среду для общения, взаимодействия*» (Т5).

И это важнейшее обстоятельство раскрывается в беседе об особенностях современного учёного, выявляющих новые тренды организации исследовательской деятельности. И прежде всего это работа в коллективе, принадлежность к сообществам: «*современный учёный — это член сообщества, потому что сейчас в одиночку мало кто работает*» (Т5). И это радикально отличается о высказанных выше соображений о том, что учёный работает уединённо, иногда даже замкнуто. Сейчас всё стало иначе: «*Мы вовлечены в какие-то программы, цели, нам очень важно понять, что делают коллеги, конференции, выступления, журналы, рейтинги — это вот элементы современной научной деятельности*» (Т5).

Таким образом, важнейшая сегодня составляющая человеческого потенциала учёного — его социальный капитал, известность и накопленные связи, благодаря которым он востребован в различных исследовательских коллективах: «*По классике ты себя предлагаешь, но не по классике тебя ищут, а ты просто должен показать себя как самого заметного*» (Т1). Последствием такой социальной стратегии оказывается потеря по крайней мере части

профессиональной автономии, в том числе и в направлении исследований: «*ты должен обрасти связями и через связи выявить то направление, которое сейчас поддерживается*» (Т1). Здесь присутствует явная амбивалентность: социологические исследования показывают, что такая важнейшая мотивирующая ценность, как «самостоятельность в работе», для учёных в два раза превышает по значимости стремление «работать со своими единомышленниками» (60% против 30%) [*Темницкий*, 2024. С. 33]. Но всё же востребованность в современном научном мире оказывается важнее.

Известность современным учёным обеспечивает не только «*наличие публикаций, монографий и скопусовских публикаций*» (Т5), но и активная работа над приобретением паблисити. Это уже не романтик, в уединении погружённый в поиски истины, а публичный человек, который «*блоги ведёт какие-то в Ютубе, выпускает, популяризирует свою научную деятельность. Успешного современного учёного видно, он старается, чтобы его было видно*» (Т1). Он занят созданием собственного бренда, что стало одним из предметов озабоченности управленцев и администраторов в сфере науки и темой программ повышения квалификации научных кадров. При этом участники фокус-групп видят противоречие с ранее очерченным образом учёного и отдают себе отчёт в том, что «*это иногда вызывает раздражение, т. е. кажется, что этот человек больше карьерист, нежели исследователь*» (Т1). Стоит отметить, что если такие усилия и предпринимаются современными российскими учёными, то они пока эффективны лишь в рамках научного сообщества, где могут восприниматься скептически. Массовым аудиториям учёные пока очень мало известны. Опрос ВЦИОМ показывает, что 92% респондентов не смогли назвать имена современных учёных, единицы вспомнили математика Г. Перельмана и физика, лауреата Нобелевской премии Ж. Алферова (по 1%), а также палеонтолога С. Дробышевского (0,5%), физика М. Ковальчука, нейрофизиолога и филолога Т. Черниговскую. Стоит отметить, что все они в той или иной степени являются медийными персонами[3] [*ВЦИОМ*, 2023].

Участие в научных сообществах, исследовательских коллективах требует от современных учёных изменения стиля работы и поведения. Его отличает ответственность за процесс и результат как индивидуальной, так и коллективной работы, которая состоит не просто в отказе от оппортунистических практик (фальсификация результатов, плагиат и т.д.). Она предполагает и соблюдение взятых на себя обязательств, сроков выполнения работы, её плана: «*ты ещё отвечаешь за коллектив или организуешь именно научное исследование и понимаешь, что на тебе ответственность, тогда ты доводишь до конца публикацию, которая должна быть в определённые сроки сдана*» (Т6). Это снова предполагает отказ от значимой для учёных возможности самостоятельно организовывать и планировать свою работу, быть в ней независимым: «*сегодня пописал, когда вдохновение есть, завтра не пописал*» (Т6). Сегодня учёный стал человеком команды, и важнейшей составляющей его компетенций является желание и умение работать в коллективе, считаясь с его целями и подстраиваясь под общие задачи, план и сроки выполнения работы.

Говоря о значимости сетевых связей и социального капитала, участники фокус-групп раскрывают условие адаптации к значимому тренду институциональных трансформаций современной науки — нарастающей прекаризации исследовательской деятельности. В этих условиях включение в проекты, временные исследовательские коллективы на основе накопленных горизонтальных связей и репутационного капитала становится едва ли не самым важным условием профессионального благополучия учёного.

Ещё одно неоднозначное последствие коллективной работы и проектной — сопутствующий ей рост научной бюрократии, связанной с отслеживанием сроков выполнения

[3] Следует отметить, что на соответствующие запросы поисковые системы отвечают, что таких исследований, например по США, не делалось. С большой вероятностью, учитывая современную узость научных специализаций, такая ситуация является общей: учёные знают только тех, кто является медийными персонами. В этом отношении российские учёные не отличаются от своих зарубежных коллег.

проекта, своевременности и количества публикаций и т.д. В этом часто видят причины снижения качества работы в погоне за количественными показателями: «*интерес сконцентрирован на отчётах, на формальной стороне дела, а не на сути, на вот этом самом salami slicing, когда не одна статья из одного материала делается, это подсчёт всяких баллов и показателей. Вот это, мне кажется, принципиальное отличие учёного от современного учёного*» (Т2). Однако исследования публикационной активности ведущих российских учёных до и после усиления наукометрического контроля не показали падения качества публикаций, напротив, свидетельствовали о его росте, о котором говорит рост их количества в журналах первых квартилей в международных базах данных [*Нарезают ли российские учёные салями?…* 2019].

Таким образом, осмысливая специфику современного учёного, наши респонденты сосредоточили внимание на внешних, институциональных и социальных аспектах его деятельности, но не проявили интереса к её сущностным сторонам. Никто не затронул проблемы изменения роли науки в обществе, взаимодействия её с другими формами знания, трансформаций эпистемологических и методологических основ науки под влиянием цифровизации и развития искусственного интеллекта. Ответы участников фокус-групп свидетельствуют, что среди учёных социально-гуманитарного профиля преобладает адаптивный подход к своей исследовательской деятельности, направленный на оптимизацию места в научном сообществе.

Начиная с 1990-х гг., а в некоторых случаях и раньше, у российских учёных встал вопрос о соотношении мировой и отечественной науки. Есть ли необходимость бороться за её мировое признание и повышение формального вклада в мировую науку, или российская наука самостоятельна и самодостаточна, суверенна, и надо искать её «особый путь»? И что значит сегодня быть *российским* учёным? Эти проблемы также обсуждались на фокус-группах.

Что значит сегодня быть российским учёным?

Ответ на этот вопрос неоднозначен и вызвал у участников фокус-групп целый ряд различных мнений и оценок, продолжающих те дискуссии, которые в 2000-х и 2010-х гг. шли в российском научном сообществе по проблеме соотношения российской и мировой науки, возможностей создания «российских» наук, реальных потребностей в них[4]. Тогда российские социологи использовали несколько остроумных метафорических понятий, характеризующих разные установки учёных в отношении ориентаций на отечественную или зарубежную науку.

А.В. Юревич и его соавторы применяют подход У. Корнхаузера, разделяя учёных на «местников» (авторская новация, заставляющая вспомнить о «локалистах» Р. Мертона), ориентированных в своей работе и построении академической карьеры на локальные проблемы и локальные научные аудитории и издания, и «космополитов», стремящихся реализовать свои научные амбиции в зарубежных изданиях, на международных конференциях, в международных научных проектах [*Юревич, Цапенко*, 2012; *Гаврилова, Ушаков, Юревич*, 2016]. Конечно, вклад «космополитов» в мировую науку больше заметен, но это не значит, что «местники» такой вклад не вносят [*Юревич, Цапенко*, 2012. С. 13]. Публикации, посвящённые локальным проблемам, не интересны международным журналам, но не потому, что они не обладают признаками научности, корректными методами исследований, хуже написаны, — просто это не их тематика. И те учёные, которые выбирают для себя «местничество», отнюдь не менее продуктивны, просто их продуктивность измеряется другими

[4] Напомню некоторые публикации на данную тему указанного периода: [*Радаев,* 2000; *Кирдина С.*Г., 2001; *Ядов, В.А.* 2008; *Титаренко*, 2011].

критериями, например количеством учеников, созданием научной школы [*Гаврилова, Ушаков, Юревич*, 2016, С. 115]. А, как подчёркивают участники фокус-групп, именно наличие учеников и собственной школы является признаком состоявшегося учёного (Т1, Т5). Более того, именно «местники» работают на ожидания общества, продолжающего связывать будущее с развитием науки. А мировая наука не тождественна публикационному мейнстриму, формируемому высокорейтинговыми журналами и системами цитирования, она складывается из достижений множества национальных наук и продуктивных учёных, независимо от того, где они живут и публикуются, и российские учёные — её неотъемлемая часть [*Юревич, Цапенко*, 2012, С. 15–16].

Среди современных учёных — участников фокус-групп, проводившихся спустя десятилетие после дискуссии, по-прежнему нет единства в оценке концепта национальной социально-гуманитарной науки. Выделяются те, кто считает, что у науки как формы знания в принципе нет национальной идентичности, научное знание по своей природе универсально: «*Оно интернационально, т. е. это то, что будет верно и в России, и за рубежом*», «*это деление несколько неправомерно, в настоящее, по крайней мере, время*» (Т2). Некоторые озвучивают весьма радикальное неприятие идеи национальной науки в стиле героя романа Достоевского Смердякова: «*Вот был на конференции в одном городе недавно, и там один из докладов был посвящён такой теме — "А возможна ли национальная наука?" Мы долго ржали, но, конечно, невозможна, потому что всё-таки наука не есть что-то национальное*» (Т5). «*Наука — это гражданин мира. Или учёный — это в первую очередь, гражданин мира, он принадлежит общему мировому сообществу*» (Т4). «*Конечно, привлекательнее космополитизм, т. е. быть человеком мира*» (Т3).

Идее национальной науки приписывается искусственность, её навязывают внешние, не зависящие от учёных обстоятельства: «*Если мы будем вольно или невольно ставить какие-то преграды, лучше от этого не будет, будет только хуже… Другое дело — я боюсь, что нашего мнения никто и не спросит, если честно*» (Т5). Здесь очевидны опасения, связанные с идеей национальной науки — вероятность противопоставления мировой науке, самоизоляция, пагубная для учёных.

В связи с этими опасениями можно вспомнить ещё одну концептуальную модель, предложенную М.М. Соколовым и К.Д. Титаевым в нашумевшей в своё время статье «Провинциальная и туземная наука» [*Соколов, Титаев,* 2013]. Яркость метафор и их неоднозначные, «намеренно провокационные» [*Розов*, 2016. С. 9] коннотации вызвали тогда активное обсуждение статьи буквально одновременно с её публикацией [*Бермус, Бучатская, и др*., 2013]. Авторы, рассматривая научные исследования и коммуникации как «академический разговор», выделили три идеальных типа его участников, между которыми реальные учёные и научные организации могут перемещаться в зависимости от конкретных обстоятельств. Первый — «столичная наука», которую развивает признанный в данный исторический момент центр производства теоретико-методологических основ исследований, сейчас это прежде всего американская или англосаксонская наука, в меньшей степени европейская. Второй — «провинциальная наука», представители которой считают «столичный» центр, метрополию, источником подлинных знаний, и «слушают» только его. Учёные–«провинциалы» принимают свою второсортность и видят источником безусловного престижа причастность к метрополии (участие в конгрессах, конференциях, стажировки, встречи и знакомства и т.д.), ретрансляцию происходящего в центре. В ходе фокус-групп такая весьма распространённая до недавнего времени позиция прозвучала, например, в утверждениях, что «*современный учёный — это мобильный учёный, который может выйти за рамки не только Российской Федерации, но и, в общем, в мире может встроиться в любую какую-то нишу своей сферы, и он значимые какие-то, фундаментальные, может быть, знания несёт — это первое. А второе — это, наверное, наличие публикаций, монографий и скопусовских публикаций, ну, как минимум, это, на мой взгляд!*» (Т5).

Третий идеальный тип — «туземная наука», это замкнутые локальные группы учёных, не имеющие доступа к ресурсам «столицы» и поэтому не только её игнорирующие, но и обосновывающие идеологию собственного превосходства. Её основными целевыми аудиториями являются ближайшее окружение, студенты периферийных вузов и местные чиновники, в гораздо меньшей степени другие учёные [*Соколов, Титаев* 2013. С. 261]. По утверждению авторов, именно в среде «туземцев» и культивируется идея национальной науки и неадекватности западных теорий для решения российских проблем: «отстаивание неизбывной ущербности импортных теорий в объяснении отечественных реалий — тема, по которой безошибочно опознаётся просвещённый туземец» [*Соколов, Титаев,* 2013. С. 272]. В более мягкой форме некоторые участники фокус-групп как раз и заявили о своей идентичности «*регионального российского учёного*» (Т5), однако это объясняется не столько отрицанием значимости мировой науки и международных коммуникаций, сколько ориентацией на региональные проблемы и отсутствием всероссийской известности.

Формирование «туземных» научных сообществ авторы концепции объясняют институциональными проблемами организации советской и постсоветской науки, вызываемых ими финансовых и коммуникативных трудностей, блокирующих связи с мировыми научными центрами [*Соколов, Титаев,* 2013. С. 260–263]. Автаркия как институциональная реальность побуждает выдвигать идеологические объяснения превосходства национальной науки над мировой или, по крайней мере, её самодостаточности. Как видим, в данной модели даже полярно противоположные позиции в равной степени выстраиваются вокруг соотношения российской и мировой науки, а не предметной и методологической специфики российской социальной науки, её приоритетной ориентации на актуальную для нашего общества проблематику.

Некоторые участники фокус-групп отмечают институциональные, организационные особенности российской науки и преподавания в вузах, которые препятствуют интеграции в мировую науку и обусловливают некоторую замкнутость: «*мы методологически другие, у нас по-другому выстроена система <…> И в этом отношении многие из наших профессоров, уехавших за рубеж, не справились, потому что там другие маркеры и другие требования, они радикально отличаются*» (Т6). Действительно, российские социально-гуманитарные науки обладают не только специфической культурой исследований и представления материалов, к которой относят преобладание нарративно-индуктивной структуры научных статей над западной гипотетико-дедуктивной [*Истомин, Байков,* 2015. С. 124–126], но и институциональные, организационные особенности, например, разделение вузовской и академической науки [*Фомин*, 2011. С. 98], на которое обратили внимание и участники фокус-групп (Т5, Т6), а также ориентация на административную единицу (институт), а не на научную проблему [*Грэхэм,* 1998. С. 181]. Эти институциональные особенности сложились в советский период и выполняли принципиальную функцию облегчения контроля со стороны государства за академическим сообществом, а теперь стали институциональной «колеей», «ловушкой» [*Плискевич*, 2016. С. 134], снижающей эффективность работы и осложняющей современную мобильность, связанную с необходимостью повышения горизонтальных коммуникаций между сообществами, занятыми решениями конкретных научных проблем.

Маркером «туземности» являются язык и традиции, которые «успешно пресекали культурный импорт, обеспечивая монополию местных специалистов» [*Соколов, Титаев*, 2013. С. 268]. С точки зрения авторов концепции, «туземные» учёные плохо владеют английским языком, поэтому не могут читать соответствующие источники, участвовать в конференциях, ездить на стажировки, а также не имеют ресурсов для профессионального перевода и редактирования своих статей для публикации в рейтинговых зарубежных журналах. По прошествии десяти лет, когда распространение цифровых технологий и искусственного интеллекта практически сняли проблему перевода, учёные видят значение

национального языка в другом. Участники фокус-групп констатируют: «*мы пишем всё на русском языке*», «*оперируем естественным языком*» (Т1), т.е. погружены в языковую среду как символическую систему, определяющую менталитет исследователя, его специфическое видение проблемы, «*манеру понимать вещи*» (Т5).

Здесь стоит сказать, что использование английского языка как «столичного» языка мировой науки имеет не только функциональные (удобство коммуникаций), но и дисфункциональные последствия именно потому, что он не позволяет полностью раскрыть смыслы иноязычных текстов, а также ведёт и к деградации самих языков национальных наук, утрачивающих возможность выражать и обобщать локальный опыт. Языком международной научной коммуникации стал, по меткому выражению Л.Г. Ионина, пиджин-инглиш, а классики, труды которых изучают не на языке оригинала, а на английском, становятся тоже, «пиджин-классиками» и т.п., их идеи и смыслы введённых ими понятий оказываются искажёнными [*Ионин*, 2022. С. 137-138]. Кроме того, доминирование английского языка в представлении научных результатов на мировом уровне прямо способствует гегемонии американских научных изданий, причём это ощущают не только представители «периферии», но и успешных научных центров Западной Европы и Азии.

В качестве ещё одного признака «туземности» авторы метафоры указывают приоритет локальных, региональных проблем, помноженный на участие в обосновании управленческих программ (чиновники как целевая аудитория) и даже попытки обосновать собственные, никак не связанные с мировым мейнстримом, концепции региона и регионального развития [*Соколов, Титаев*, 2013. С. 267–268]. Однако общество ожидает от учёных решения именно конкретных проблем, а не публикаций в «скопусе». Участники обсуждения проблемы на фокус-группах отмечают, что «*у нас прикладной интерес, государственная академия наук, поэтому мы исходим из интересов, запросов именно нашего региона, в первую очередь, и, понятное дело, их установок, которые идут из РАН*» (Т4). При этом они вовсе не замыкаются в узкой локальной группе и ориентированы на мировую науку: «*мы работаем для России в плане разработок научных…. мы используем все международные наработки, достижения именно во благо нашей страны*» (Т4). Более того, они уверены, что их разработки имеют универсальное значение и могут быть использованы без ограничений: «*работаем для себя и других, не жалко*» (Т4). То есть российские учёные считают свои результаты соответствующими мировому уровню и способствующими решению общих проблем. Ведь и «местники», ориентированные на локальные научные сообщества, могут решать общезначимые проблемы и вносить вклад в мировую науку.

Есть среди участников фокус-групп и те, для кого идентичность российского учёного основывается на приоритете патриотических ценностей: «*Я патриот российской науки, поэтому вне российской науки себя не представляю и не вижу, и здесь для меня вопрос однозначно решается, однозначный выбор — только российская наука*» (Т6). Для некоторых это a priori решённый вопрос: «*российским в том смысле, в каком я являюсь российским человеком и гражданином*», «*всё равно, где место проживания, а вся научная деятельность связана именно с нашим государством*» (Т2)

Противопоставление российской и международной идентичности, отечественных и мировых центров притяжения для современных учёных не характерно и не актуально, а наука одновременно имеет и общемировые основы, и национальную специфику: «*Зачем это так полярно воспринимать? Действительно наука целиком и отдельные её составляющие, вплоть до самых узких, в целом, это действительно международная, но в то же время я могу спокойно сказать, что я представитель русской и российской научной традиции. И как бы все ручейки впадают в одну огромную реку: русская традиция, английская, американская, китайская, чилийская — любые. То есть, я не вижу тут для себя совершенно никакого противоречия*» (Т3). Таким образом, они мыслят в направлении снятия противоречий между универсализмом и специфичностью, ориентациями на мировую или локальную науку.

Как эти приоритеты расставляются в контекстах геополитических и культурных трансформаций последних лет?

Начнём с того, что авторы концепции не проводили непреодолимой границы между «столичной», «провинциальной» и «туземной» наукой, напротив, они прослеживали их динамику и взаимопереходы [*Соколов, Титаев*, 2013. С. 269–271]. Они признают, что «столичная наука» — это просто «разновидность туземной», которая обросла шлейфом провинциалов-подражателей [Там же. С. 226]. Именно как «туземная наука» начинала американская эмпирическая социология, в том числе Чикагская школа, погрузившись в исследование локальных проблем и игнорируя теоретические новации тогдашней социологической «столицы» — Западной Европы [Там же. С. 272]. Соответственно, «туземная» наука высоких достижений имеет все шансы стать «столичной». Вопрос развития российской науки в современных культурных, коммуникационных и геополитических реалиях стоит не в плоскости преодоления «туземности» или «провинциальности» как таковых, не повышения места во всевозможных рейтингах, а повышения статуса российской науки до «столичной», превращения её в глобально значимый центр производства знания [*Розов*, 2016. С. 10].

В области технических наук, математики, физики такой проблемы нет, наши учёные и так имеют высокое международное признание на уровне «столичного» со всеми его признаками, включая визиты, стажировки, заимствования. Россияне вполне оптимистично оценивают вклад своих учёных в мировую науку. По данным ВЦИОМ, начиная с 2018 г. росло число тех, кто верит в превосходство российской науки над мировой: 2018 г. — 26%, 2021 г. — 31, в 2023 г. был отмечен максимум (37%). В 2026 г. 33% россиян считают, что российская наука опережает мировую, в то время как 50% полагает, что она отстаёт. Причём чаще речь идёт как о незначительном превосходстве (23%), так и о незначительном отставании (33%). Отрасли, в которых видится превосходство — военная, медицина, космос, атомная энергетика [*ВЦИОМ*, 2026]. С социальными и гуманитарными науками тоже всё не так плохо, как может показаться со стороны. Хотя в массовом опросе достижения отечественных гуманитариев не отмечены, специалисты прекрасно знают о мировом признании и вполне «столичном» статусе российских лингвистов и филологов (М.М. Бахтин, Ю.В. Кнорозов, Ю.М. Лотман и др.), психологов (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн), и др. Признание отдельных учёных, конечно, не придаёт статус мирового научного центра всей российской науке, однако это важный шаг к такому признанию.

Проблема состоит в том, что для обретения «столичного» статуса надо не только иметь значимые теоретические достижения, но и возможности их представления на мировом уровне. Как добиться «столичного» статуса в условиях «отмены» членства российской науки в международных научных сообществах разного профиля, разрыва налаженных коммуникаций и коллабораций? Ведь даже в научных мероприятиях всемирного масштаба российские учёные принимают участие, подобно спортсменам на международных соревнованиях, как индивидуальные члены научных организаций, а не как представители страны. К тому же в последние годы добавились существенные аргументы за пересмотр статусов «провинции», «периферии» и «центра» мировой науки. Какое место могут здесь занять российские учёные?

Российские учёные перед старыми и новыми вызовами мировой науки

На XX Всемирном социологическом конгрессе в Мельбурне летом 2023 г. была поднята проблема, ставшая значимой для всех социально-гуманитарных наук. Фактически центральной темой стал «периферийный поворот» [*Кирдина-Чэндлер*, 2023. С. 5], направленный на добровольный отказ от доминирования западной науки, более того, западной

эпистемологии, и утверждение равноправного диалога с мировой научной «периферией», странами глобального Юга, а также и с теми социальными группами и социальными движениями (феминистскими, различными меньшинствами и т.п.), мировоззрение и социальные чаяния которых раньше «не видел» центр производства смыслов, а теперь должен их «визуализировать» [*Плейерс*, 2023. С. 16–17]. Правда, в названии статьи Дж. Плейерса, избранного на мельбурнском конгрессе президентом Всемирной социологической ассоциации (ISA) «Глобальная социология — это возобновление глобального диалога» отсылка к «*возобновлению*» диалога представляется лукавством, ведь мировой «центр» раньше не слушал «периферию», именно западная наука и соответствовавшая ей эпистемология определяли нормативное научное мировоззрение как атрибут современной культуры. Нынче взывающие к «эпистемической справедливости» постколониальные научные сообщества глобального Юга, представители феминистских, локалистских и т.п. движений претендуют на «провинциализацию» западноцентристской социологии и признание в качестве равноправных их собственных познавательных и мировоззренческих особенностей [*Плейерс*, 2023. С. 16–18].

В связи с этим и проблема языка науки сегодня ставится в более широком смысле, как проблема эпистемологии и риторики, выраженной в понятийном аппарате. До сих пор он опирается на западноевропейские, а затем американские базовые понятия, трактующие устройство современного общества по рыночно-капиталистическому и демократическому образцу, модернизацию и прогресс, отвергая при этом другие возможные подходы. Поэтому в контекстах выстраивания глобального диалога ставится вопрос о разработке нового научного языка, отражающего обновление эпистемологии через включение, на основе принципов «эпистемической справедливости», мировоззрения ранее маргинализированных групп и периферийных направлений социального дискурса [*Кирдина-Чэндлер*, 2023, С. 4].

Однако другая сторона проблемы состоит в том, что современная наука со всеми её эпистемологическими, институциональными, этическими и т.д. основаниями является продуктом именно западной цивилизации — античной логики, ренессансного эксперимента, просвещенческой культуры сомнения и дискуссии. Не умаляя достижений других цивилизаций в познании мира, а также возможности других форм знания, таких как мифология, религия, повседневное знание и др., надо признать, что именно наука стала одной из движущих сил развития современного общества. Не станет ли пересмотр её оснований в угоду «планетарному сознанию» [*Плейерс*, 2023. С. 17], если он реально состоится, отказом от науки как особой формы знания с его специфической эпистемологией и институциональной организацией? Некоторые критики «эпистемической справедливости» и «постколониального сознания» как продуктов прикладного поворота постмодернизма с его плюрализмом знания как «языковых игр» (Ж.-Ф. Лиотар) и контекстуальностью истины считают, что это именно так и будет [*Плакроуз, Линдси,* 2020. С. 51–53]. Примером «эпистемической справедливости» в действии являются требования уравнять значимость универсального методологически выверенного и теоретически обоснованного научного знания с повседневным опытом, мистикой, магией, локальными картинами мира, а то и принизить его [Там же]. Критики утверждают, что «эпистемическая справедливость» к ранее «незамеченным и отвергаемым» ведёт к репрессиям в отношении прежних лидеров, представителей классической науки как «знания угнетателей», о чём свидетельствуют и данные о росте санкций в отношении американских учёных за их высказывания [*Кирдина-Чэндлер*, 2023. С. 7].

Исследования показывают, что сегодня среди российских учёных высок уровень толерантности к плюрализму форм знания, т.е. противостояние, например, науки и религии перестало быть проблемой, как и отошла в прошлое борьба с «лженауками» [*Зарубина*, 2025. С. 57]. Иногда встречаются даже призывы к сотрудничеству науки с теологией ради

«гуманизации научно-технического прогресса» и «преодоления вызовов устойчивому развитию» [*Кравченко*, 2022. С. 480–482]. Всё это свидетельствует о существенных сдвигах в восприятии науки российскими учёными, однако ещё не говорит об их готовности к интеграции с другими формами знания ни в целях преодоления эпистемологического и институционального западоцентризма, ни ради следования «периферийному повороту» и «эпистемической справедливости».

Российская наука не нуждается в «эпистемической справедливости», поскольку изначально строилась на тех же познавательных и организационных принципах, что и западноевропейская, приобретая по мере развития методологическую и институциональную специфику, которая уже достаточно хорошо изучена. Последующие наукометрические заимствования, трансформации условий публикационной деятельности, их влияние на качество научных результатов также являются предметом исследований [*Рубинштейн, Чуковская*, 2026b], как и влияние внедрения искусственного интеллекта в научную деятельность, вызывающее к жизни новые проблемы эпистемологического и институционального плана (см., например: [*Рубинштейн, Чуковская,* 2026a; *Голоухова, Куманцов*, 2026]). Эти проблемы являются общими для всех, в то же время в контекстах каждой национальной науки они приобретают особое смысловое наполнение.

Опыт прошедших десятилетий показал, что прямое заимствование эпистемологии, методологических подходов, методов исследований и представления научных результатов, а также и наукометрических стандартов, ведёт к вторичности, закреплению периферийного статуса российской науки и потенциально — к потере уже достигнутых оригинальных результатов [*Истомин, Байков*, 2015. С. 116]. Этот опыт свидетельствует о том, что необходим поиск оптимального сочетания международных стандартов научных исследований и представления научных результатов с подходами, сложившихся в российской науке в процессе её длительного и непростого исторического развития. Разработка новых механизмов представления научных результатов российских учёных мировому научному сообществу — одна из важнейших задач [*Кирдина-Чэндлер*, 2023. С. 11]. В новых условиях описанная на наших фокус-группах особенность современных учёных, состоящая в самопиаре, создании собственного бренда, активном самостоятельном продвижении своих результатов на всех доступных уровнях, включая международные, может служить продвижению российской науки.

Особенность современной ситуации состоит в том, что при «отмене» коммуникаций и коллабораций на институциональных уровнях индивидуальные контакты между учёными могут продолжаться и развиваться. Однако по-прежнему в центре обсуждения остаётся попытка решения проблемы встраивания российской науки в мировую, а не определения, что же такое собственно российские социально-гуманитарные науки, каковы их эпистемологические, методологические, этические характеристики, место и миссия в обществе. Сущностное самоопределение российского научного сообщества, занятого в сфере социальных и гуманитарных наук, (а заодно и определение особенностей собственно российского общества и государства) могло бы способствовать и научным прорывам, и росту интереса к ним в мире.

Заключение

Как показало наше исследование, российские учёные осознают свою профессиональную идентичность через специфику своей деятельности и соотнесение с мировым научным сообществом и формами интеграции в него. Западная наука, являющаяся сегодня ядром мировой науки, представляет для них, независимо от принадлежности к условным лагерям «космополитов-модернизаторов» или сторонников научного «суверенитета», точкой самореференции, что обусловлено исторической колеёй развития отечественной

науки. Рефлексия нововведений, в первую очередь организационных и наукометрических, условий представления научных результатов, позволяет выявить области рисков для развития отечественной науки, понимаемого как встраивание в мировую науку и мировое признание.

Однако современные геополитические и культурные, эпистемологические и другие вызовы требуют идти дальше. Не решённые со времён дискуссий 2000-х гг. проблемы специфики российских социально-гуманитарных наук, идентичности, целей, этических и институциональных основ работы учёных сейчас приобретают особую актуальность. Однако, как показывают результаты исследования, они пока не осознаются научным сообществом в полной мере. Можно сделать вывод, что идентичность профессиональной группы «российские учёные» пока формируется через адаптацию к трансформациям социальных и институциональных условий деятельности — коллективный характер, рост бюрократии и т.п., а не через углубление понимания её сущностных эпистемологических и этических характеристик.

Можно сделать вывод, что узкая специализация как тренд развития современной науки приводит к тому, что исследования в области истории и теории науки, её этики, эпистемологии и методологии становятся предметом внимания заинтересованных специалистов, в то время как исследователи других предметных областей не проявляют к ним интереса и не осмысливают фиксируемые ими трансформации современной науки как компонент собственной меняющейся профессиональной идентичности. Живя своей профессиональной деятельностью каждый день, люди перестают задумываться о её сущности и сосредотачиваются на повседневной адаптации к меняющимся условиям.

ЛИТЕРАТУРА

Аблажей А.М. (2018). Трансформация профессиональной идентичности учёного в условиях реформирования науки (анализ постсоветского опыта // *Сибирский философский журнал*. Т. 16. № 1. С. 102–111.

Бермус А.Г., Бучатская Ю.В и др. (2013). Провинциальная и туземная наука. Введение в дискуссию // *Антропологический форум*. № 19. С. 11–238.

ВЦИОМ. (2023). Новости: Учёный и инженер: престижность профессий. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-uchenogo-i-inzhenera-glazami-rossijan (дата обращения: 07.08.2026).

ВЦИОМ. (2026). Новости: Российская наука сегодня. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-nauka-segodnja?ysclid=mr9131g5c980522117 (дата обращения: 07.08.2026).

Гаврилова Е.В., Ушаков Д.В., Юревич А.В. (2016). «Местники» и «космополиты»: к вопросу о продуктивности учёных // *Социологические исследования*. № 9. С. 105–116.

Голоухова Д.В., Куманцов А.А. (2026). Восприятие и использование технологий искусственного интеллекта в научной деятельности: перспективы и барьеры внедрения // *Вестник Института социологии.* Т. 17. № 2. С. 12–33. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.2; EDN: TURCUZ.

Грэхэм Л. (1998). *Очерки истории российской и советской науки.* — М.: Янус-К.

Зарубина Н.Н. (2025) Учёные о вызовах этическим основаниям деятельности российского научного сообщества // *Социологические исследования*. № 2. С. 52063. DOI: 10.31857/S0132162525020053.

Ионин Л.Г. (2022). *Драма жизни Макса Вебера.* — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Истомин И., Байков А. (2015). Сравнительные особенности российских и международных научных журналов // *Международные процессы*. Т. 13. №2. С. 114–140. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.41.9.

Кирдина С.Г. (2001). Импорт концепций, прежние подходы или новые самостоятельные теории? (О состоянии фундаментальных исследований в российской социологии) // *Социологические исследования*. 2001. №8. С. 35–41.

Кирдина-Чэндлер С.Г. (2023). Запрос на глобальный диалог (заметки с юбилейного социологического конгресса // *Социологические исследования.* №12. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250029332-8.

Кравченко С.А. (2022). Вызовы «современного зла» устойчивому развитию: запрос на сотрудничество научного и теологического знания // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 22. №3. С. 477–488. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-477-488.

Кравченко С.А. (2023а). Диагностика рисков становления новой России: запрос на интегральное и суверенное знание в сфере социально-политических наук // *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 165–180. DOI: 10.17976/jpps/2023.03.12. EDN: IRPWDE.

Кравченко С.А. (2023b). Геополитические вызовы и отечественная социология // *Социологические исследования*. № 2. С. 51–62.

Мирская Е.З. (1995). Человек в науке // *Социальная динамика современной науки.* — М.: Наука. С. 21–38.

Нарезают ли российские учёные салями? (2019). Гуманитарные науки — Индикатор 04.06.2019. URL: https://indicator.ru/humanitarian-science/narezayut-li-rossijskie-uchenye-salyami.htm (дата обращения: 09.07.2026).

Носкова А.В. (2026). Профессиональное благополучие в науке с позиции эвдемонистического подхода // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 26. № 1. С. 130–141. DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-130-141. EDN: QNYHNU.

Носкова А.В., Голоухова Д.В., Кузьмина Е.И. (2025). Профессиональное благополучие российских учёных: проблемы измерения, компоненты и результаты эмпирического исследования // *Социологические исследования*. № 7. С. 80–93. DOI: 10.31857/S0132162525070085.

Плакроуз Х., Линдси Дж. (2020). *Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого.* — М.: Individuum.

Плейерс Дж. (2023). Глобальная социология — это возобновление глобального диалога // *Социологические исследования*. № 12. С. 15–18. DOI: 10.31857/S013216250029333-9.

Плискевич Н.М. (2016). «Path dependence» и проблемы модернизации мобилизационного типа // *Мир России*. Т. 25. № 2. С. 123–143.

Плюснин Ю.М. (1999). «Лишние люди» в науке. Опыт социально-психологического расследования // *Науковедение*. № 1. С. 1–19.

Радаев В. (2000). Есть ли шанс создать российскую национальную теорию в социальных науках? // *Pro et Contra*. Т. 5. № 3. С. 202–214.

Розов Н.С. (2016). «Провинциализм», «туземство» и факторы интеллектуальной «столичности» в социальном познании // *Социологический журнал*. Т. 22. № 1. С. 8–25.

Рубинштейн А.Я., Чуковская Е.Э. (2026a). Научная деятельность в цифровую эпоху: производство и распространение знания // *Вопросы теоретической экономики*. №1. С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_7_21.

Рубинштейн А.Я., Чуковская Е.Э. (2026b). Распространение знания и научные журналы в зеркале социологического исследования // *Вопросы теоретической экономики*. №2. С. 7–25. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_7_25.

Соколов М.М., Титаев К.Д. (2013). Провинциальная и туземная наука // *Антропологический форум*. № 19. С. 239–275.

Судас Л.Г., Юрасова М.В. (2006). «Синдром своеобразия» российской науки преодолен? // *Вестник Российской академии наук*. Т. 76. № 6. С. 21–27.

Темницкий А.Л. (2024). Мотивация и проблема продуктивности научной деятельности российских учёных // *Социологические исследования.* № 3. С. 28–43.

Титаренко Л.Г. (2011). Национальное и наднациональное в социологии // *Социологические исследования*. № 1. С. 22–29.

Фомин Д.А. (2011). Академизм: границы занятия в рамках возможностей // *Terra Economicus.* Т. 9. № 4. С. 88–115.

Юревич А.В., Цапенко И.П. (2012). Фетишизм статистики: количественная оценка вклада российской социогуманитарной науки в мировую // *Социология науки и технологий*. Т. 3. № 3. С. 7–23. EDN: PNCFEZ.

Ядов В.А. (2008). Для чего нужна сегодня национальная русская социология? // *Социологические исследования*. № 4. С. 16–20.

REFERENCES

Ablazhey A.M. (2018). Transformation of a Scientist's Professional Identity in the CONDITIONS OF SCIENCE REFORMS (Analysis of the Post-Soviet Experience)] // *Siberian Journal of Philosophy*. Vol. 16. № 1. Pp. 102–111. (In Russ.).

Bermus A.G., Buchatskaya Yu.V., et al. (2013). Provincial and Indigenous Science: An Introduction to the Discussion.] // *Antropologicheskiy forum*. No. 19. Pp. 11–238. (In Russ.).

Do Russian scientists slice salami? (2019). Humanities — Indicator. 04.06.2019. URL: https://indicator.ru/humanitarian-science/narezayut-li-rossijskie-uchenye-salyami.htm (access date: 9.07.2026). (In Russ.).

Fomin D.A. (2011). Academicism: Border Employment Opportunities Within] // *Terra Economicus*. Vol. 9. No. 4. Pp. 88–115. (In Russ.).

Gavrilova E.V., Ushakov D.V., Yurevich A.V. (2016). "Localists" and "Cosmopolitans": On the Issue of Scientists' Productivity] // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 9. Pp. 105–116. (In Russ.).

Golouhova D.V., Kumantsov A. A. (2026). Perception and Use of AI Technologies in Scientific Research: Prospects and Obstacles] // *Vestnik Instituta Sotsiologii.* Vol. 17. No. 2. Pp. 12–33. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.2. EDN: TURCUZ. (In Russ.).

Grjehjem L. (1998). *Essays on the history of Russian and Soviet science.* — M.: Yanus-K. (In Russ.).

Ionin L.G. (2022). *The Drama of Max Weber's Lief.* — M.: Delo RANEPA. (In Russ.).

Istomin I., Baykov A. (2015). Russian and International Publication Practices: a Comparative study of IR Scholarly Journals // *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 13. No 2. Pp. 114–140. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.41.9. (In Russ.).

Kirdina S.G. (2001). Import of concepts, previous approaches or new independent theories? (On the state of fundamental research in Russian sociology) // *Sotsiologicheskiye issledovaniya* 2001. No. 8. Pp. 35–41.

Kirdina-Chandler S.G. (2023). Request for Global Dialogue (Notes from the XX World Sociological Association Congress) // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 12. Pp. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250029332-8. (In Russ.).

Kravchenko S.A. (2022). Challenges of «modern evil» for the sustainable development: A request for cooperation of scientific and theological knowledge // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya*. Vol. 22. No. 3. Pp. 477–488. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-477-488. (In Russ.).

Kravchenko S.A. (2023a). Diagnosing the Risks of Emerging a New Russia: The Demand for Integral and Sovereign Knowledge in the Sphere of Socio-Political Sciences // *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 3. Pp. 165–180. DOI: 10.17976/jpps/2023.03.12. EDN: IRPWDE. (In Russ.).

Kravchenko S.A. (2023b). Geopolitical Challenges and Domestic Sociology // *Sociological Studies*. No. 2. Pp. 51–62. (In Russ.).

Mirskaya E.Z. (1995). Man in Science // *Social Dynamics of Modern Science.* — M.: Nauka. Pp. 21–38. (In Russ.).

Noskova A.V. (2026). Professional well-being in science: An eudaimonic perspective. // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya.* Vol. 26 No. 1. Pp. 130–141. DOI: 10.22363/2313- 2272-2026-26-1-130-141. EDN: QNYHNU. (In Russ.).

Noskova A.V., Goloukhova D.V., Kuzmina E.I. (2025). Professional Well-being of Russian Scholars: Mdological Issues and Results of Sociological Measurements // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 7. Pp. 80–93. DOI: 10.31857/S0132162525070085. (In Russ.).

Pleyers G. (2023). Global Sociology as a Renewed Global Dialogue // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 12. Pp. 15–18. DOI: 10.31857/S013216250029333-9. (In Russ.).

Pliskevich N.M. (2016). «Path Dependence» and the Problem of Modernization from Above // *Mir Rossii*. Vol. 25. No. 2. Pp. 123–143. (In Russ.).

Pluckrouse H., Lindsay J. (2020). *Cynical Theories: How Everyone Started Arguing About Race, Gender, and Identity, and What's Wrong With It.* — M.: Individuum. (In Russ.).

Plyusnin Yu.M. (1999). "Superfluous People" in Science. An Experience of Social-Psychological Investigation // *Naukovedeniye*. No. 1. Pp. 1–19. (In Russ.).

Radaev V. (2000). Is There a Chance to Create a Russian National Theory in the Social Sciences? // *Pro et Contra*. Vol. 5. No. 3. Pp. 202–214. (In Russ.).

Rozov N.S. (2016). «Provincialism», «Nativity», and Intellectual Factors of "Capitalness" in Social Cognition // *Sotsiologicheskiy zhurnal*. Vol. 22. No. 1. Pp. 8–25. (In Russ.).

Rubinstein A.Ya., Chukovskaya E.E. (2026a). Scientific Activityes in the Digital Age: Production and Dissemination of Knowledge // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. Pp. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_1_7_21. (In Russ.).

Rubinstein A.Ya., Chukovskaya E.E. (2026b). Dissemination of Knowledge and Scientific Journals in the Mirror of Sociological Research // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. №2. Pp. 7–25. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_2_7_25. (In Russ.).

Sokolov M.M., Titaev K.D. (2013). Provincial and Indigenous Science // *Antropologicheskiy forum*. No. 19. Pp. 239–275. (In Russ.).

Sudas L.G., Yurasova M.V. (2006). Has the "originality syndrome" of Russian science been overcome? // *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. Vol. 76. No. 6. Pp. 21–27. (In Russ.).

Temnitskiy A.L (2024). Russian Scientists' Motivation and Research Performance Issue // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 3. Pp. 28–43. (In Russ.).

Titarenko L.G. (2011). National and supranational in sociology // *Sotsiologicheskie issledovaniya.* No. 1. Pp. 22–29. (In Russ.).

VCIOM (2023). News: The Scientist and the Engineer — The Prestige of the Professions. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-uchenogo-i-inzhenera-glazami-rossijan (access date: 7.06.2026). (In Russ.).

VCIOM (2026). News: Russian Science Today. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-nauka-segodnja?ysclid=mr9131g5c980522117 (access date: 06.07.2026). (In Russ.).

Yadov V.A. (2008). Why is national Russian sociology needed today? // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 4. Pp. 16–20.

Yurevich A.V., Tsapenko I.P. (2012). The Fetishism of Statistics: Quantifying the Contribution of Russian Social and Humanitarian Science to Global Science // *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy.* Vol. 3. No. 3. Pp. 7–23. EDN: PNCFEZ. (In Russ.).

Zarubina N.N. (2025). Scientists on the challenges to the regulatory framework of the russian scientific community // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 2. Pp. 52–63. DOI: 10.31857/S0132162525020053. (In Russ.).

Зарубина Наталья Николаевна
ORCID: 0000-0001-8120-3376
n-zarubina@yandex.ru

Natalya Zarubina
Dr. Sc. (Philos.), Prof., Professor of Department of Sociology MGIMO University (Moscow)
ORCID: 0000-0001-8120-3376
n-zarubina@yandex.ru

WHAT DOES IT MEAN TO BE A RUSSIAN SCIENTIST TODAY? (Based on Discussions and Empirical Research)

Abstract. The article addresses the problem of identifying Russian scholars in the social sciences and humanities as a professional group in the context of recent geopolitical challenges, as well as the transformation of science as a social institution and a form of knowledge. The article is based on the results of an analysis of focus group studies of Russian scholars conducted in 2023, as well as discussions on the specifics of Russian science and its place in global science from the 1990s to the 2020s. It is shown that the issue of the place of Russian scholars in the global scientific community, as well as the relationship between the universal theoretical and methodological foundations of social and humanitarian research (borrowed from the West) and the specific problems faced by Russian scholars, has been a subject of discussion over the past three decades. For various segments of the Russian scientific community — labelled as «localists» and «cosmopolitans» (A. V. Yurevich et al.), «natives» and «provincials» (M. M. Sokolov et al.), etc. — self-referencing in relation to the global scientific community and a focus on finding ways to integrate into global science are equally characteristic. At the same time, understanding the features of the Russian scientific community, as well as Russian social and humanitarian science as a whole, is more of a subject for research by historians of science rather than a topic of everyday reflection among professionals. They see their mission as researching and solving the problems of Russian society, viewing them as local manifestations of common problems, rather than as studying the specifics of Russian society and developing an appropriate methodology for this purpose. A new, yet poorly reflected-upon challenge for Russian scholars appears to be the concepts of «epistemic justice» and the «peripheral turn» promoted by the Western scientific community. These concepts involve declaring a rejection of the dominance of Western epistemology in modern science and embracing the worldviews and cognitive strategies of peripheral, marginal groups and cultures of the Global South. However, in practice, they represent a blurring of the epistemological and institutional principles of science as a specific form of cognition.

Keywords: *socio-professional group, scholars, contemporary scholars, Russian scholars, world science, institutions, scientometrics, epistemology, «peripheral turn»*
JEL: O39.